
Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Все эти дни Анисимов почти не спал, но чувствовал себя таким здоровым и бодрым, как никогда. Он даже как будто помолодел, и его худая, нескладная фигура, с унылым и длинным носом, двигалась по станции быстро и весело.

Все было так стремительно, так неожиданно и хорошо, что все время у него было такое ощущение, будто он кружится в свежей и чистой волне, откуда-то нахлынувшей и без следа, навсегда смывшей всю старую, тусклую и скучную жизнь.

На станции, всегда тихой и пустынной, теперь былолюдно и шумно. От черных толп, непрестанно движущихся по платформе и путям, казалось, что вся она движется, как муравейник, и многоголосый, возбужденный говор так и висел над ней в чистом, холодном воздухе белого дня. С востока один за другим – проходили пестрые, наскоро составленные из разнокалиберных вагонов поезда и, почти не останавливаясь, стремительно уносились вдаль, быстро уменьшаясь и тая в белом мареве снежных полей. Каждый поезд толпа на станции встречала и провожала долгим "ура" и маханием шапок, причем от множества рук мелькало в глазах, а от крика овладевало мальчишески-задорное чувство. Каждый старался кричать как мог громче и, улыбаясь, оглядывался на соседей наивно и весело. И когда поезд уже скрывался в перелеске, еще долго слышались одинокие замирающие крики: А-а!...

На паровозах лопотали по ветру красные флаги, и из всех вагонов глядели какие-то совершенно неизвестные, но странно близкие, как общие друзья, по большей части молодые люди. Они махали руками и фуражками и исчезали все в одном направлении. И то, что их было так много, что так часты были эти поезда, что ружья и револьверы так странно не гармонировали с черными пальто и шапками, все поселяло в душе молодое и радостное чувство своей правоты и силы.

Анисимов принимал и отправлял каждый поезд сам и, стоя далеко от станции у стрелки, приветливо высовывал навстречу из-под красной шапки свой длинный, покрасневший от холода нос. Он вглядывался в предносившиеся мимо него незнакомые лица, и грудь у него теснило какое-то большое, новое и счастливое чувство.

Он еще сам не знал, что будет дальше, но что-то светлое, свободное и счастливое смутно рисовалось ему впереди и казалось очевидным и непреложным то, что прежняя жизнь, с ее мертвым тяжелым трудом, душевным одиночеством, унижениями, пьянством от скуки, вечными заботами и нуждой, кончена.

Когда не было поездов, он слонялся в толпе по станции и, всовывая свой длинный нос то в ту, то в другую кучку возбужденно спорящих людей, улыбался и вставлял свои замечания. Его все уже знали, называли "наш начальник станции" и "товарищ" и просто и охотно вступали с ним в разговоры, точно все это были давно знакомые и близкие ему люди.

Иногда Анисимов заходил в свою комнату на вокзале, чтобы немного побыть одному и собраться с мыслями. Он долго стоял посреди комнаты, не снимая пальто и шапки, мечтательно улыбался и думал все одну и ту же фразу, каждый раз полагая, что открывает что-то новое:

– Эх! Вот какую должна быть настоящая жизнь!

И, забывая свое намерение отдохнуть и подумать, опять шел на воздух, где так ярко белело небо, чисто и звонко хрустел снег и все так же двигались, шумели, кричали и смеялись оживленные, бодрые люди.

С каждого проходившего поезда к Анисимову соскакивало по два-три человека и передавали ему известия или задавали ему вопросы чрезвычайной общей важности. Анисимов был рад, когда мог ответить что-нибудь хорошее. Он крепко пожимал им руки и, глядя в глаза открыто и весело, говорил:

– Ну, трогайте, товарищи!... С Богом!...

Длинный нос краснел у него еще больше, и маленькие глазки становились